

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Людмила Анатольевна Емелина^а

EDN: GRPDQM

Сергей Анатольевич Яворский^б

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

^б ООО «ИТ АЛЪЯНС»

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы внедрения интеллектуальных систем учета электроэнергии (ИСУЭ) как ключевого элемента современной энергетической инфраструктуры. Основное внимание уделяется анализу эффективности внедрения ИСУЭ в контексте развития концепции «умного города» и цифровой трансформации энергетического сектора. Авторы исследуют влияние ИСУЭ на развитие энергоэффективности экономики, стимулирование инновационных технологий и создание новых рабочих мест; рассматривают перспективы интеграции ИСУЭ с технологиями машинного обучения. Отмечается возможность создания единой цифровой экосистемы энергопотребления. Анализируются экономические преимущества от внедрения ИСУЭ, в том числе снижение потерь электроэнергии, оптимизация затрат и повышение качества обслуживания потребителей. Подчеркиваются социальные эффекты от внедрения систем: упрощение взаимодействия с энергокомпаниями, возможности контроля расходов и улучшение экологической ситуации. Авторы предлагают инициировать проработку административных мер, которые позволят в полной мере раскрыть потенциал ИСУЭ.

Ключевые слова: персональные данные, информационная безопасность, защита личной жизни, интересы ребенка, цифровое образование, цифровой профиль

Дата поступления статьи в редакцию: 18 октября 2024 года.

LEGISLATIVE RISKS ASSOCIATED WITH THE DIGITIZATION IN SCHOOL EDUCATION

Lyudmila A. Emelina^a

RESEARCH ARTICLE

Sergey A. Yavorsky^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

^b LLC «IT ALLIANCE»

Abstract: The article discusses the prospects for the implementation of intelligent energy metering systems (IEMS) as a key element of modern energy infrastructure. The primary objective is to assess the effectiveness of IEMS implementation in the context of developing the “smart city” concept and the digital transformation of the energy sector. The authors examine the impact of IEMS on the development of energy efficiency in the economy, the stimulation of innovative technologies, and the creation of new jobs; they consider the prospects for integrating IEMS with machine learning technologies. The possibility of creating a unified digital ecosystem for energy consumption is also noted. The authors analyze the economic benefits of implementing IEMS, including reduced electricity losses, cost optimization, and improved customer service. The social effects of implementing these systems are emphasized: simplified interaction with energy companies, the ability to control costs, and improved environmental conditions. The authors propose initiating the development of administrative measures that will allow the full potential of IEMS to be realized.

Keywords: personal data, information security, privacy protection, children's interests, digital education, digital profile

Received: October 18, 2024.

Введение

Цифровая трансформация затрагивает фундаментальные основы института семьи, обостряя проблему соотношения публичного алгоритмизированного контроля и частной автономии ребенка. Приоритет «наилучших интересов» несовершеннолетнего, закрепленный в международных правовых актах, все еще не находит комплексного выражения в российском законодательстве, в котором отсутствует единая доктрина цифровой идентичности ребенка. Принудительная интеграция информации о несовершеннолетних в цифровые платформы без их осознанного согласия и участия родителей выявляет нормативные пробелы в регулировании защиты персональных данных. В этих условиях актуализируется необходимость выработки теоретико-правовой модели, обеспечивающей системную защиту прав ребенка в цифровой среде с опорой на конституционные принципы и международные стандарты.

Объявление 2024 года Указом Президента РФ от 22 ноября 2023 года № 875 Годом семьи активизировало научные дискуссии в области семейного права. Однако правовое положение ребенка как ключевой составляющей семьи по-прежнему остается недостаточно исследованным. Концепция «наилучших интересов ребенка», закрепленная в Декларации прав ребенка 1959 года и получившая последовательное развитие в Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года, а также в практике Комитета ООН по правам ребенка с 1991 года, отражает необходимость всесторонней правовой защиты несовершеннолетних [Емелина, 2023. С. 49].

Конвенция о правах ребенка исходит из недопустимости приоритизации отдельных прав, устанавливая требование их комплексной реализации. Однако на практике достижение баланса интересов ребенка нередко требует правового выбора между конкурирующими ценностями.

С 2009 года Совет Европы формирует и реализует стратегии, направленные на защиту детства. Примером служит Софийская стратегия 2016–2021 годов, подтвердившая принцип приоритета интересов ребенка¹, закрепленный Конвенцией ООН. Однако этот принцип реализуется лишь в сфере юстиции [Букалерева, Атабекова, Симонова, 2018. С. 69].

Защита прав ребенка в российском законодательстве

Концепт «интересов ребенка» появился в российской правовой традиции еще в XIX веке, преимущественно в нормах гражданского и семейного права, но не получил должной доктринальной разработки и отсутствует в Федеральном законе от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав

ребенка». Лишь эпизодически термин встречается в постановлениях Конституционного Суда РФ² и Пленума Верховного Суда РФ³, а также в судебной практике. Постановление Правительства РФ № 481 от 24 мая 2014 года (ред. от 19 апреля 2022 года) содержит единственное упоминание интересов ребенка, причем с ошибкой перевода: в п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка речь идет не о «наилучшем обеспечении», а о «наилучших интересах».

В упомянутом нормативном акте внимание сконцентрировано исключительно на детях-сиротах, что искажает представление о полноте гражданских прав всех несовершеннолетних. Такая односторонняя фокусировка создает иллюзию, что только лишенные родительского попечения дети обладают расширенным объемом прав.

При этом концепция детства в российском праве остается недостаточно проработанной, а правоприменительная практика – противоречивой. Несмотря на то, что преамбула Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка» подчеркивает значимость нравственного, патриотического и социального воспитания, приоритет общественно значимых ценностей может вступать в конфликт с личными правами ребенка, включая его идентичность и право на самоактуализацию.

Законодатель, апеллируя к «законным интересам ребенка», игнорирует его индивидуальные ценности и подменяет их политическими или идеологическими установками. Это вступает в противоречие с духом Конвенции ООН о правах ребенка, направленной на приоритет личности над интересами коллектива. Это подтверждает вывод Комитета ООН в рамках 65-й сессии в январе 2014 года, сделанный после рассмотрения отчета Российской Федерации. Комитет указывал, что невозможно назвать идентичными следующие понятия: «наи-

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2019 года № 7-П «По делу о проверке конституционности подпункта “п” пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Г.А. Белоскова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2020 года № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко».

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 года № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 года № 16 (ред. от 26 декабря 2017 года) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (п. 29).

Нормы и правила

лучшие интересы ребенка» и «законные интересы ребенка»⁴. Можно отметить и тот факт, что на определенном этапе в России действовали такие общественные организации родителей, которые требовали не только прекращения деятельности Фонда поддержки детей, но и денонсации Конвенции ООН «О правах ребенка» в целом⁵.

Концепция безопасности детей в российском праве (см., например, Федеральный закон № 436 от 29 декабря 2010 года «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», ст. 2) подменяет комплексную защиту прав несовершеннолетних узким фокусом на физической безопасности и духовно-нравственном развитии, игнорируя риски цифровой эксплуатации, дискриминации и нарушения приватности. Это противоречит ст. 13 и 16 Конвенции ООН о правах ребенка и подтверждается замечаниями Комитета по правам ребенка ООН, который еще в 1995 году дал рекомендации по разработке особых правовых норм с целью защиты частной жизни и создания безопасной среды для сохранения неприкосновенности личности в России.

Отметим, что еще в 2014 году Комитет по правам ребенка ООН выражал свою обеспокоенность тем, что российский законодатель ориентирует правовые нормы только на обеспечение физической безопасности детей, при этом иные потребности детей остаются за рамками правового регулирования. Дети, равно как и взрослые, становятся объектами торговли, дискриминации и эксплуатации. Нарушаются права детей на личную неприкосновенность и свободу открыто выражать свое мнение. До сих пор не разработаны четкие меры по предотвращению не только суицидов среди несовершеннолетних, но и преступлений в их отношении, травли детей в реальной жизни и в киберпространстве. Российское законодательство акцентирует внимание на формировании ценностных ориентиров через государственное и общественное воздействие, но целостной концепции понятия детства и его правового статуса не существует. Проблема безопасности детей, актуализирующаяся в связи с наметившейся

тенденцией перехода от коллективного подхода к индивидуальному, рассматривается не систематически, а в основном по мере возникновения проблем. Этот вопрос, очевидно, требует участия экспертов из различных областей.

Семья представляет собой маленькое государство, и без ее эффективного функционирования вся система начинает терять свою силу. Государство создает условия для всестороннего развития детей, внушения им важных нравственных ценностей. При этом приоритет, в соответствии с Конституцией РФ (п. 4 ст. 67), отдается семейному воспитанию. В подтверждение этому Президент выступает как гарант Основного закона страны, прав и свобод человека и гражданина (п. 2 ст. 80 Конституции). На основании ст. 38 Конституции РФ вместе с органами государственной власти на Президента возложена обязанность по обеспечению защиты семьи, материнства и детства. Вопрос поддержки семей неизменно поднимается в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию. Эта проблема отдельно подчеркивалась в обращениях 2020 и 2021 годов, в которых особое внимание уделялось угрозам демографического кризиса.

Вызовы цифровизации

Современные цифровые технологии оказывают серьезное воздействие на реорганизацию государственной власти и реализацию конституционных прав [Карасев, Кожевников, Мещерягина, 2019. С. 102], что актуализирует исследование их влияния на институт семьи. Цифровые права, в соответствии с Гражданским кодексом РФ, рассматриваются как объекты гражданского права. При этом базовые принципы, такие как неприкосновенность частной жизни и защита личных данных (ст. 23 Конституции РФ), также требуют переосмысления в цифровой среде [Стребкова, 2021. С. 218].

В России принимаются активные меры по минимизации рисков, связанных с цифровизацией. По данным Федеральной палаты адвокатов (ФПА), предложение о введении в России «цифрового кодекса» уже согласовано с Правительством и направлено в Администрацию Президента РФ⁶. Этот кодекс устанавливает правила для цифровых сервисов и защиты пользователей Интернета.

В российском законодательстве цифровизация определяется как процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности, ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Электронный документооборот регламентируется Федеральным

4 Комитет ООН по правам ребенка. Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации. <https://undocs.org/ru/CRC/C/RUS/CO/4-5>; Заключение Комитета ГД ФС РФ по вопросам семьи, женщин и детей от 6 июля 2017 года № 3.6-5/32 «По проекту федерального закона № 1090105-6 “О внесении изменений в статьи 14.2 и 15 Федерального закона “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации” и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях защиты ребенка от анонимного оставления после его рождения”».

5 Путина призывают вывести Россию из Конвенции по правам ребенка. <http://www.regnum.ru/news/society/1879493.html#ixzz3Mw5n8iqn>

6 Минимизировать риски галопирующей цифровизации. <https://fparf.ru/news/fpa/minimizirovat-riski-galopiruyushchey-tsifrovizatsii/>

законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Кроме того, Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает понятие электронного документа и определяет его правовой статус, а также регламентирует процесс получения информации по запросу гражданами.

Отдельного внимания заслуживают конкретные аспекты обеспечения информационных прав детей, включая соблюдение конфиденциальности данных о несовершеннолетнем, обеспечение доступа к полной и достоверной информации в соответствии с их возрастом и защиту от вредного воздействия информации (п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). В развитие этого Закона была разработана Стратегия обеспечения информационной безопасности детей, в 2023 году принятая распоряжением Правительства РФ. Этот документ был подготовлен с целью формирования в России нового поколения граждан, способного освоиться в современном информационном пространстве и обладающего навыками безопасного и эффективного использования информационных технологий, еще в 2020 году.

Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 25 декабря 2023 года) регламентировал способ получения таких услуг в электронном виде, создав более упорядоченную и доступную систему их оказания через цифровые платформы.

Среди других правовых документов, детализирующих и раскрывающих доступ к персональным данным граждан, можно выделить Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», который регулирует обработку персональных данных с использованием или без использования автоматизированных средств. Отметим, что данный документ конкретизирует определение личной информации как данных, относящихся к определенной личности и позволяющих идентифицировать ее, включая процессы хранения, обновления, передачи и удаления таковой. Кроме того, следует выделить Указ Президента № 188 от 6 марта 1997 года, который классифицирует личные сведения гражданина как часть конфиденциальной информации.

В современном мире с развитием цифровых технологий появляется интерес к созданию информационного «сообщества знаний», которое активно использует новейшие технологии для обучения, реализации прав и свобод, а также для решения

общих задач. Президент России признал формирование такого сообщества стратегическим приоритетом для государства в своем Указе № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» еще в 2017 году.

В настоящее время зачисление ребенка в школу предполагает цифровизацию его персональных данных, а электронный дневник приобретает статус юридически значимого информационного ресурса. Мы уверены, что персональные данные ребенка должны передаваться только с разрешения родителей, в том числе при процедуре зачисления в школу. Необходимо отметить, что в большинстве регионов зачисление ребенка в школу в обход цифровой системы (например, сервиса mos.ru) невозможно, несмотря на приказ Минпросвещения России № 458 от 2 сентября 2020 года, позволяющий родителям передавать данные ребенка в образовательную организацию альтернативными способами.

Правовые предписания статьи 56.1 Градостроительного кодекса РФ о единой информационной системе на практике приводят к невозможности реализации гражданами права на личное обращение в образовательные органы и учреждения, что прямо противоречит ст. 33 Конституции РФ. Эксплуатация цифровых платформ ФГИС «Моя школа»⁷ и «Учи.ру» выявила конкретные, повторяющиеся нарушения в сфере персональных данных: отсутствие подлинной добровольности при получении согласия на обработку (это в наибольшей степени касается несовершеннолетних) и системные сложности в реализации субъектами их прав (доступ, исправление, отзыв согласия), упоминаемых в Федеральном законе «О персональных данных». Это создает значительные правовые риски для образовательных организаций и требует разработки четких практических алгоритмов соблюдения законодательства при использовании цифровых сервисов.

Несмотря на декларируемый экспериментальный статус⁸, регистрация в ФГИС «Моя школа» носит принудительный характер, ограничивая право на альтернативу (ст. 33 Конституции РФ) и инфор-

7 Постановление Правительства РФ от 13 июля 2022 года № 1241 (ред. от 22 сентября 2023 года) «О федеральной государственной информационной системе “Моя школа” и внесении изменения в подпункт “а” пункта 2 Положения об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме».

8 См.: Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2020 года № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды».

Нормы и правила

мированное согласие (ст. 9; ст. 16, п. 3.1 Федерального закона «Об образовании»). Использование коммерческими операторами («Учи.ру», «Дневник.ру») персональных данных несовершеннолетних в уставных целях извлечения прибыли [Вифлеемский, 2023. С. 27; Вифлеемский, 2021. С. 55] противоречит целям образовательной деятельности (ст. 31 Федерального закона «Об образовании») и создает риски несанкционированного доступа к данным. Такое положение дел, наряду с тенденцией к алгоритмизации обучения и нивелированию роли педагога, формирует модель «цифрового надзирателя», угрожающую автономии личности ребенка и семейной приватности.

Проект «Моя школа» разрабатывается для обеспечения хранения, передачи и представления информации о цифровых профилях участников учебного процесса, включая сведения о студентах, их родителях (законных представителях), преподавателях и образовательных учреждениях. Основное внимание в этой системе уделяется сбору и обработке личных данных всех учащихся и их родителей. Такая практика вызывает опасения в контексте ситуации с ГИС «Контингент». Президент Российской Федерации в 2016 году отклонил федеральный закон о создании государственных информационных систем «Контингент обучающихся», наложив на него вето, и отправил проект на доработку. Мотивируя свое решение, В.В. Путин указал на необходимость четкого определения данных, доступных в системах, и поставил вопрос об ответственности лиц, имеющих доступ к ним⁹.

Примечательно, что Николай Патрушев, будучи секретарем Совета Безопасности, еще в апреле 2022 года предупреждал об опасности подобных прогрессивных образовательных платформ (например, «Учи.ру», «РЭШ», «МЭШ» и др.), сравнивая последствия их внедрения с приближением войск НАТО к границам России: «Нам такого прогресса не нужно»¹⁰.

Создание цифровой образовательной среды (ЦОС) является одним из приоритетов государства¹¹. Например, в 2019–2024 годах, при нехватке средств на поддержку сельских учителей, власти выделили

на создание ЦОС 73,4 млрд рублей [Вифлеемский, 2021. С. 52]. Не все из платформ, созданных в рамках этого проекта, можно считать успешными: так, ресурс «Единыйурок.рф» (федеральная инновационная площадка Минобрнауки России) в 2020 году зафиксировал убытки в размере свыше 1,3 млрд рублей. Некоторые эксперты скептически относятся к подобного рода инициативам, называя цифровое образование «обнуленной школой» [Вифлеемский, 2022. С. 22].

В результате цифровых реформ учителя все больше отдаляются от детей. Включая детям видеоурок или презентацию, предоставляя компьютерные тесты, педагог получает свою оценку за ведение урока, при этом с каждым днем его роль в жизни ребенка и учебном процессе снижается, а в ближайшие годы будет сведена к нулю, так как дети сами смогут активировать цифровой обучающий ролик на своем планшете, пройти материал, сдать тест и получить оценку. Право учить и оценивать знания ребенка плавно переходят от педагога к машине, обладающей искусственным интеллектом, а личность ребенка начинает принадлежать не самому ребенку и его родителям, а киберпространству, реализующему интересы третьей, никому не известной стороны.

Можно сделать вывод, что внедрение ФГИС «Моя школа» и коммерческих платформ («Учи.ру») нарушает принципы:

- добровольности (ст. 33 Конституции РФ, п. 2 Постановления № 2040);
- специального режима обработки данных детей (ст. 9 ФЗ «О персональных данных»);
- ограничения коммерциализации образования (ст. 31 ФЗ «Об образовании»).

Создание цифровых профилей без информированного согласия повышает риски несанкционированного доступа и алгоритмизации педагогической функции, что противоречит доктрине «наилучших интересов ребенка».

Право гражданина на неприкосновенность личной жизни в практике Конституционного Суда России трактуется в рамках обеспечения других прав и свобод, а также конституционных гарантий. Оно связано с доступом к информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) и гарантиями института семьи (ст. 38), включая тайну усыновления. Конституционный Суд подчеркивал, что это право включает контроль за информацией о себе и защиту личных данных¹².

Правовое регулирование цифровых процессов должно обеспечивать баланс между защитой ос-

9 Письмо Президента РФ от 29 декабря 2016 года № Пр-2584 «Об отклонении федерального закона “О внесении изменений в статьи 15 и 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”».

10 Патрушев назвал стратегической задачей Запада развал образования в России. <https://tass.ru/obschestvo/14483351>

11 См.: Паспорт национального проекта «Образование» (утвержден Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 № 16).

12 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона “Об актах гражданского состояния” в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гушиной».

нов конституционного строя и безопасности и обеспечением прав личности, что прямо вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. При этом право на неприкосновенность частной жизни не обладает абсолютным характером и оказывается особенно уязвимым в условиях цифровизации. Современные технологии существенно расширили потенциал вмешательства в личную сферу, что подтверждают эмпирические наблюдения, включая исследование, проведенное авторами статьи среди студентов факультета журналистики Института государственной службы и управления Президентской академии в 2024 году.

Цифровая трансформация оказывает влияние на все социальные институты, в том числе и на семью. Возникает необходимость закрепления в законодательстве правового механизма защиты личной жизни несовершеннолетних в онлайн-пространстве. Остается актуальной реализация конституционного приоритета защиты детства, в том числе через уточнение положений Конституции РФ, что было отражено в поправках 2020 года [Богосова, 2021. С. 72].

Дополнения к ч. 2 ст. 16, ст. 20 и ст. 98 ФЗ «Об образовании» должны закрепить право несовершеннолетних и их законных представителей на информированное согласие при обработке персональных данных и формировании цифровых профилей. Современные образовательные программы должны включать занятия по информационной безопасности, что подразумевает обучение навыкам критического восприятия информации, распознавания цифровых манипуляций и угроз [Богосова, 2021. С. 40].

Несмотря на нормативное признание прав детей, действующий Семейный кодекс РФ на практике не обеспечивает достаточный уровень их защиты и цифрового благополучия [Емелина, Яворский, 2023. С. 142]. Слабость технологической и правовой базы придает проблеме особую остроту, что тре-

бует системных шагов по модернизации законодательства в условиях цифровизации.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить, что в условиях цифровой трансформации институт семьи и правовой статус ребенка сталкиваются с системными правовыми вызовами, связанными с отсутствием единой концепции защиты цифровой идентичности несовершеннолетнего и его личной жизни. Цифровизация не только модифицирует традиционные формы взаимодействия между родителями, детьми и образовательными структурами, но и формирует новые объекты гражданских прав, такие как цифровой профиль ребенка, которые на сегодняшний день не обладают должной правовой защитой. Обращение к судебной практике показало, что подход к интерпретации цифровых прав личности, в том числе в решениях Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, отличается нормативная фрагментарность. В этих условиях становится актуальным формирование единых стандартов защиты интересов несовершеннолетних в цифровой среде. Нами предложена модель соразмерного и доктринально обоснованного внедрения цифровых технологий в сферы семейных отношений и образования, основанная на принципах добровольности, приоритета личности ребенка и недопустимости алгоритмизации педагогической деятельности. Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости закрепить в законодательстве особый правовой режим цифровой информации о ребенке, а также разработать критерии оценки допустимости цифровых решений, затрагивающих сферу семейных прав и интересов. Проблема требует межотраслевой правовой реформы, ориентированной на восстановление баланса между публичными интересами цифрового развития и частными гарантиями неприкосновенности личности ребенка.

Литература

- Богосова О.В. Обеспечение информационной безопасности детей и молодежи: правовые, педагогические и психологические аспекты. *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. 2021. № 3 (52). С. 35–41. EDN: DMCXFF
- Богосова Н.Е. Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года. *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*. 2021. № 1 (41). С. 71–77. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.41.1.08>. EDN: ZTWAYO
- Букалерева Л.А., Атабекова А.А., Симонова М.А. К вопросу о приемлемости для России положений Стратегии Совета Европы по правам ребенка (2016–2021 гг.). *Государство и право*. 2018. № 1. С. 65–71. EDN: YMEIPW
- Вифлеемский А.Б. Ожидаемые результаты цифровизации школы. *Народное образование*. 2023. № 3 (1498). С. 23–34. https://doi.org/10.52422/0130-6928_2023_3_23. EDN: OKFGLW
- Вифлеемский А.Б. Отказизация школы. *Народное образование*. 2022. № 5 (1494). С. 22–30. EDN: YQZWXW
- Вифлеемский А.Б. Цифровая мутация школы. *Народное образование*. 2021. № 4 (1487). С. 50–61. EDN: TAMMHC
- Емелина Л.А. Основные принципы защиты прав детей в соответствии с Конвенцией о правах ребенка. *Право и образование*. 2023. № 3. С. 41–50. EDN: GBOTQJ
- Емелина Л.А., Яворский С.А. Актуальные проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних // *Детство – территория безопасности: сборник материалов конференции*, Москва, 7 декабря 2023 года / Отв. ред. О.В. Ефимова. М.: Саратовский источник, 2023. С. 142–145. EDN: RDPNMW
- Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации. *Антиномии*. 2019. Т. 19. № 3. С. 99–119. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2019.19.3.08>

Нормы и правила

org/10.24411/2686-7206-2019-00005. EDN: UQGIXL
 Стребкова Е.Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации. *Правовая политика и*

правовая жизнь. 2021. № 1. С. 217–225. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-217-225>. EDN: QNNSDY

References

- Bogomaz O.V. Ensuring information safety of children and young people: legal, psychological and educational aspects. *Pravo. Bezopasnost. Chrezvychaynyye situatsii*. 2021. No. 3 (52). P. 35–41. EDN: DMCXFF. In Russian
- Borisova N.E. Children as a priority of public policy in the light of the 2020 constitutional reform. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskiye nauki*. 2021. No. 1 (41). P. 71–77. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.41.1.08>. EDN: ZTWAYO. In Russian
- Bukalerova L.A., Atabekova A.A., Simonova M.A. On the question of the acceptability for Russia of the provisions of the Council of Europe Strategy on the Rights of the Child (2016–2021). *Gosudarstvo i pravo*. 2018. No. 1. P. 65–71. EDN: YMEIPW. In Russian
- Emelina L.A. Basic principles for the protection of children's rights in accordance with the Convention on the Rights of the Child. *Pravo i obrazovaniye*. 2023. No. 3. P. 41–50. EDN: GBOTQJ. In Russian
- Emelina L.A., Yavorsky S.A. Current problems in protecting housing rights of minors // Childhood is a territory of safety: collection of conference materials, Moscow, December 7, 2023 / Ed. by O.V. Efimova. Moscow: Saratovskiy istochnik, 2023. P. 142–145. EDN: RDPNMW. In Russian
- Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Meshcheryagina V.A. Digitalization of legal relations and its impact on implementation of particular constitutional rights of citizens in the Russian Federation. *Antinomii*. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 99–119. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00005>. EDN: UQGIXL. In Russian
- Strebkova E.G. Digitalization of constitutional rights and freedoms: the essence and problems of implementation. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2021. No. 1. P. 217–225. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-217-225>. EDN: QNNSDY. In Russian
- Vifleemsky A.B. Digital mutation of the school. *Narodnoye obrazovaniye*. 2021. No. 4 (1487). P. 50–61. EDN: TAMMHC. In Russian
- Vifleemsky A.B. Expected results of school digitalization. *Narodnoye obrazovaniye*. 2023. No. 3 (1498). P. 23–34. https://doi.org/10.52422/0130-6928_2023_3_23. EDN: OKFGLW. In Russian
- Vifleemsky A.B. School rollback. *Narodnoye obrazovaniye*. 2022. No. 5 (1494). P. 22–30. EDN: YQZWXW. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Людмила Анатольевна Емелина, кандидат юридических наук, доцент кафедры междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 1175571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: urconsul1@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2005-6135>

Сергей Анатольевич Яворский, юрист

ООО «ИТ АЛЛИАНС» (Российская Федерация, 123557, Москва, ул. Климашкина, 21). E-mail: 491899@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-2734-9708>

Для цитирования: Емелина Л.А., Яворский С.А. Законодательные риски цифровизации школьного образования. *Государственная служба*. 2025. № 4. С. 36–42.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Lyudmila A. Emelina, Candidate of Sci. (Law), Associate Professor, Department of Interdisciplinary Programs and Research in Law

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 1175571, Russian Federation). E-mail: urconsul1@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2005-6135>

Sergey A. Yavorsky, Lawyer

LLC «IT ALLIANCE» (21, Klimashkina St., Moscow, 123557, Russian Federation). E-mail: 491899@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-2734-9708>

For citation: Emelina L.A., Yavorsky S.A. Legislative risks associated with the digitization of school education. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2025. No. 4. P. 36–42.